

Редакционная коллегия:

В.К. Михеев (гл. редактор), проф., д-р ист. наук
А.И. Айбабин, д-р ист. наук
В.С. Аксенов, канд. ист. наук
О.Б. Бубенок, ст. науч. сотр., канд. ист. наук
И.С. Винокур, проф., д-р ист. наук
Ю.Н. Кочубей, ведущ. науч. сотр., канд. филолог, наук
Л.В. Матвеева, д-р ист. наук
В.В. Михеева (отв. секретарь), ст. науч. сотр., канд. ист. наук
В.Я. Петрухин, проф., д-р ист. наук
О.М. Приходнюк, ведущ. науч. сотр., д-р ист. наук
С.Б. Сорочан, проф., д-р ист. наук
О.В. Сухобоков, ведущ. науч. сотр., д-р ист. наук
А.А. Тортика (зам. гл. редактора), доц., канд. ист. наук
А.А. Хамрай, ст. науч. сотр., канд. филолог, наук

Состав редколлегии утвержден на заседании Ученого совета Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины 7 октября 2003 г. (протокол №6) и Ученого совета Международного Соломонова университета 2 октября 2003 г. (протокол №8).

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины 13 сентября 2005 г. (протокол №4) и Ученым советом Международного Соломонова университета 22 сентября 2005 г. (протокол №8).

Все статьи альманаха публикуются в авторской редакции с незначительной редакторской правкой.

Адрес редколлегии: 61058 Украина, г. Харьков, ул. Б. Чичибабина, 11.

Тел./факс: (8-057) 705-20-02.

E-mail: univer@solomon-un.kharkov.ua; vitmich@ukr.net.

Хазарский альманах / Редкол.: В.К. Михеев (гл. ред), А.И. Айбабин, В.С. Аксенов и др. - Киев - Харьков, 2005. - Т. 4. - 240 с.

ISBN 966-342-369-2

На обложке – изображение логотипа Международного центра хазароведения Восточнoукраинского филиала Международного Соломонова университета

В.С. Аксенов
Харьков

Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца

Конские начальники на памятниках салтовской культуры верховий Северского Донца до недавнего времени встречались исключительно в комплексах, принадлежащих аланскому населению Подонья [Аксенов 2001 - 2002, рис. 2: 1, 3: 1, 4: 1, 5: 1; Плетнева 1989, рис. 41, 42; Плетнева 1962, рис. 4: 4; Покровский 1905, табл. 22: 91]. Малочисленность такой категории находок как начальники позволяет видеть в них важный элемент для изучения социальной стратификации салтовского, в первую очередь аланского, общества. Тот факт, что они в основном происходят из захоронений мужчин, погребальный инвентарь которых содержит 3-4 вида вооружения, позволяет считать начальники атрибутом воинов, принадлежавших к воинской верхушке аланского компонента салтовской культуры [Афанасьев 1993, 137]. Обнаружение конских начальников в салтовских кремационных захоронениях Подонцовья позволило расширить данный вывод и на население, оставившее Сухогомольшанский и биритуальный могильники бассейна Северского Донца [Аксенов 1998, табл. 1, 2].

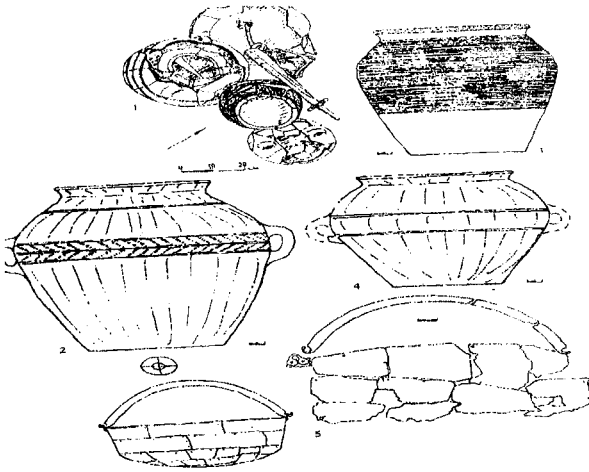
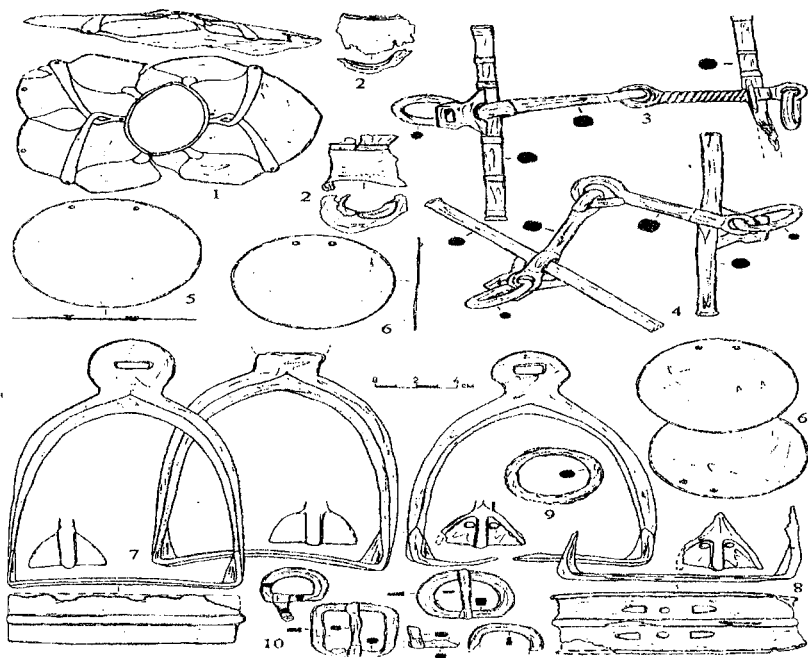

Рис. 1

Погребение №101 могильника Красная Горка содержало три погребальные урны, наполненные очищенными от следов погребального костра пережженными человеческими останками. Урны находились на глубине 0,45 м от уровня современной поверхности почвы и были установлены в одну линию с востока на запад. Все они были раздавлены землей (Рис. 1: 1). К крайней западной урне был приставлен железный клепаный котел, предварительно деформированный в древности (Рис. 1: 5), на котором были сложены кучкой удила с гвоздевидными псалями (Рис. 2: 4), пара стремян с пластинчатой полу-

Так, конский начальник был найден в одном кремационном захоронении (№175) могильника Сухая Гомольша [Михеев 1985, рис. 11: 13], еще два конских начальника в комплекте с украшениями ремней сбруи были найдены в двух погребениях по обряду трупосожжения (№101 и 216/к-19) биритуального могильника Красная Горка [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 4: 26, 27]. Основной задачей данной работы является определение хронологических рамок бытования бронзовых конских начальников у неаланского населения Подонцовья.

круглой петлей (Рис. 2: 7) и преднамеренно согнутая пополам сабля (Рис. 3: 1). Рядом с саблей лежали остатки ножен. Самая восточная урна представляла собой двуручный салтовский столовый горшок серого цвета (Рис. 1: 4). Кальцинированные кости заполняли сосуд на высоту 12 см. Среди остатков кремации фрагменты бронзового проволочного браслета (Рис. 3: 20), побывавшего в огне, и

фрагментированная бронзовая бляшка. Западнее данной урны стоял салтовский кухонный горшок больших размеров, тулово которого было украшено частым горизонтальным рифлением, выполненным с помощью зубчатого штампа (Рис. 1: 3). Венчик сосуда украшен отпечатками зубчатого штампа. Сосуд на высоту 10 см был заполнен пережженными человеческими костями. Внутри сосуда, поверх остатков кремации, лежала пара стремян с пластинчатой полукруглой петлей (Рис. 2: 8, 9),

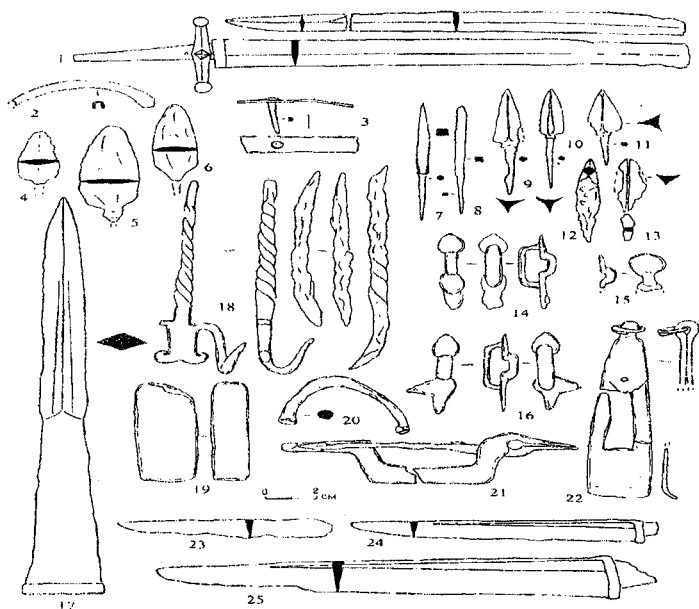

Рис. 3

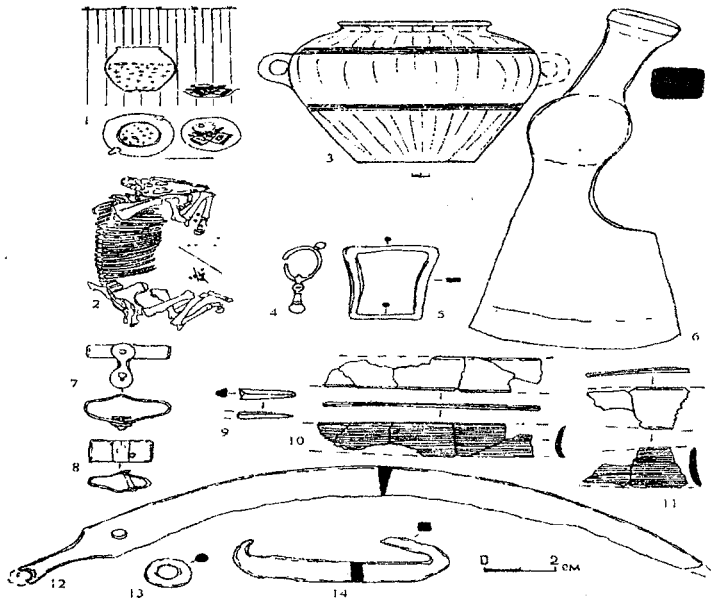

Рис. 4

ставленного зубчатого штампа, образующими два горизонтальных пояса (Рис. 1: 2). Пережженные человеческие кости заполняли урну на высоту 14 см. Под остатками кремации были сложены кучкой 8 бронзовых фаларов от ремней конской сбруи диаметром 8,0-8,1 см (Рис. 2: 6) и один бронзовый фалар диаметром 9,4 см (Рис. 2: 5), на которых был установлен преднамеренно смятый в древности конский начельник с трубочкой для султана (Рис. 2: 1, 2). Он представлял собой слегка выпуклую продолговатую бляху с волнистым краем размером 17,1 x 11,8 см. Его внешняя поверхность украшена орнаментом в виде характерных для салтовских древностей остролистных лепестков, прорезанных тонким резцом. Орнамент дополнен восемью прочерченными стеблями. Четыре из них составляют две пары по два переплетенных в виде знака Y между собой стебля. Трубочка коническая, в верхнем крае раструбовидная, высотой 4,2 см. В урне, на разной высоте, были обнаружены фрагментированные металлические детали деревянного колчана: петли, оковки, фрагменты плоской придонной части, фрагменты фигурной оковки устья колчана (Рис. 3: 3, 14 - 16). Поверх кальцинированных костей в урне находились: преднамеренно согнутая пополам и сломанная железная вилка для доставания мяса из котла (Рис. 3: 18), три черешковых ножа (Рис. 3: 23 - 25), обломки пластинчатого бронзового предмета, кресало-щипчики (Рис. 3: 21), фрагмент каменного точильного бруска (Рис. 3: 19), прорезной железный пинцет (Рис. 3: 22), железное сбруйное кольцо диаметром 4,8 см (Рис. 2: 9), 3 железных сбруйных пряжки овальной формы размером 3,4-4,8 x 2,9-4,2 см, одна железная сбруйная пряжка трапециевидной формы размером 4,8 x 4,0-4,5 см (Рис. 2: 10), 9 железных черешковых наконечников стрел разных типов (Рис. 3: 4 - 8, 11 - 13). В верхней части урны лежал наконечник копья бронзобойного типа с узким пером ромбического сечения, которое украшено дву-

удила с гвоздевидными псалиями (Рис. 1: 3), железные оковки деревянного колчана (Рис. 3: 3). На самом дне сосуда лежали два трехлопастных железных наконечника стрелы (Рис. 3: 9, 10). Все предметы носили следы пребывания в огне. Самым западным стоял двуручный столовый салтовский горшок больших размеров. Тулово сосуда было украшено частыми вертикальными лощенными линиями, а в месте наибольшего расширения тулова - отпечатками косо по-

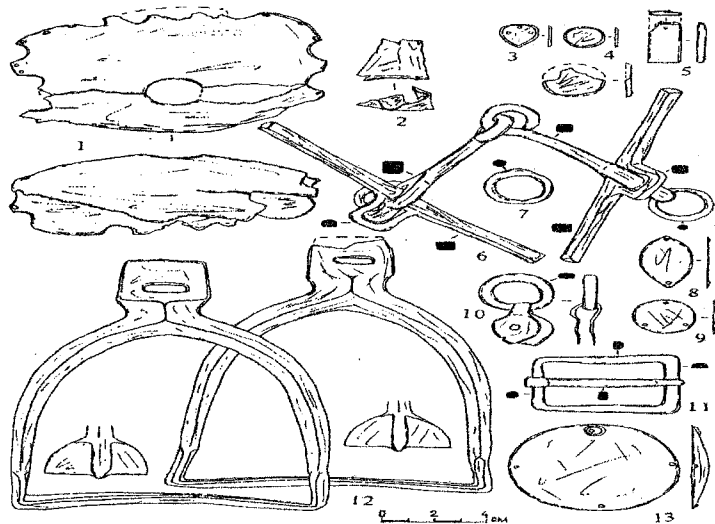

Рис. 5

то цвета (Рис. 4: 3). Одна из ручек и дно сосуда были преднамеренно отбиты еще в древности. Кальцинированные кости занимали нижнюю часть сосуда до уровня верхнего основания ручек. Внутри урны, на уровне ее плечиков, лежали: кусочек охры, железное чашечковидное кресало с загнутыми во внутрь ушками (Рис. 4: 14), бронзовая литая сережка с неподвижной каплевидной подвеской (Рис. 4: 4). Среди пережженных костей были обнаружены железные обоймы от ножен ножа (Рис. 4: 7, 8), трапециевидная рамчатая поясная пряжка (Рис. 4: 5), фрагменты костяных накладок на лук (Рис. 4: 9 – 11). В 5 см южнее урны, на уровне ее дна, был обнаружен комплекс вещей, состоящий из: боевого топорика-чекана (Рис. 4: 6); железного складного серпа с бронзовым колечком для подвешивания (Рис. 4: 12, 13); пары железных арковидных стремян с прямоугольной петлей (Рис. 5: 12); бронзового фигурного конского начельника, преднамеренно сломанного в древности (Рис. 5: 1, 2); железной подпружной пряжки трапециевидной формы размером 5,8 x 4,0-4,5 см (Рис. 5: 11). Начельник представлял собой крупную выпуклую бляху почти прямоугольной формы размером 17,0 x 15,0 см с резным, волнистым краем и полой трубочкой в виде усеченного конуса высотой 4,0 см. Внешняя поверхность начельника не орнаментирована. В 2 м к западу от урны на глубине 1,0 - 1,05 м от уровня современной поверхности почвы было обнаружено захоронение коня №19, которое своим погребальным инвентарем дополняло инвентарь погребения №216. Контурсы могильной ямы не прослеживались. Лошадь была уложена на левый бок с подогнутыми под брюхо конечностями. Шея лошади повернута вправо так, что голова лошади покоилась на нижних конечностях, опираясь на них нижней челюстью (Рис. 4: 2). У передних конечностей лошади, на той же глубине, лежали кучкой железные удила с прямыми псалиями (Рис. 5: 6), железное сбруйное кольцо диаметром 2,7 см (Рис. 5: 7), 8 бронзовых штампованных бляшек листовидной формы размером 1,8 x 1,5 см (Рис. 5: 3), одна бронзовая штампованная бляшка круглой формы диаметром 1,6 см и еще одна бронзовая штампованная бляшка круглой формы диаметром 2,5 см (Рис. 5: 4), 3 бронзовых штампованных бляшки лавролистной

мя продольными полосками (Рис. 3: 17).

Погребение №216/к-19 могильника Красная Горка. На глубине 0,75 м от уровня современной поверхности почвы была обнаружена, установленная устьем вверх погребальная урна с очищенными от следов погребального костра пережженными человеческими костями (Рис. 4: 1). Урной служил салтовский столовый двуручный горшок серо-

формы размером 4,0 x 2,0 см (Рис. 5: 8), 2 бронзовых штампованных фалара диаметром 2,5 см (Рис. 5: 9), 5 бронзовых штампованных фаларов диаметром 6,6 см (Рис. 5: 13), 2 наконечника прямоугольной формы от ремней оголовья размером 2,9 x 1,3 см, свернутые из тонкого бронзового листа (Рис. 5: 5), железный соединитель от ремней оголовья, состоящий из плоского кольца диаметром 2,9 см и одного пластинчатого зажима листовидной формы (Рис. 5: 10).

Погребение №175 могильника Сухая Гомольша представлено урной, установленной на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности почвы. Урна представляла крупный салтовский кухонный горшок, установленный вверх дном на подстилке. Контуры могильной ямы не прослеживались. В урне находились пережженные человеческие кости, очищенные от следов погребального костра. Среди остатков кремации обнаружены два разнотипных наконечника копья, преднамеренно деформированные в древности, сабля, 6 железных черешковых ножей, тесло-мотыжка, железный боевой топорик, пара стремян, удила с гвоздевидными псалиями, фрагментированный бронзовый начельник, лучковое сверло, железный ложкорез, два рыболовных крючка, железная преднамеренно деформированная в древности шашлычница, фрагмент железного гвоздя, фрагменты преднамеренно сломанного в древности железного клепанного котла с железной ручкой [Михеев 1985, рис. 11: 1 - 20; рис.37: 9]. Все предметы несли следы воздействия огня погребального костра. По определению антрополога погребение принадлежит мужчине 40 - 49 лет [Malinowski, Michejew 1986, tabl. 1].

Состав выше описанных комплексов конского снаряжения не представляет в полном объеме все элементы, украшавшие ремни конской сбруи. В силу специфики погребального обряда украшения конской сбруи дошли до нас не в полном составе. Мелкие блестящие круглой, листовидной, лавролистной формы и наконечники из погребения №216/к-19 украшали ремни оголовья. На нагрудный и подхвостный ремни конской сбруи, ширина которых достигала 3,5 - 4,0 см, крепились крупные бляхи-фалары круглой формы, обнаруженные в погребениях №101 и 216/к-19 могильника Красная Горка. Они подвешивались на тонких кожаных ремешках к нижнему краю нагрудного или подхвостного ремней. При этом разнообразие в оформлении начельников, состав и материал украшений ремней сбруи и оголовья позволяет утверждать, что данные наборы изготовлены ремесленниками по заказу определенных лиц и отражают их имущественное положение.

В целом инвентарь рассматриваемых комплексов полностью соответствует «классическим» салтово-маяцким древностям и датируется временем существования культуры – второй половиной VIII – IX вв. Это касается удила, стремян, железных сбруйных колец и пряжек, предметов вооружения и хозяйственно-бытового инвентаря описанных выше захоронений. Детальное же рассмотрение элементов конского снаряжения и орнаментальных мотивов, представленных на начельниках, по-нашему мнению, позволяет уточнить датировку данных комплексов.

В целом инвентарь захоронения №216/к-19 не выходит за рамки существования салтовской культуры. Так, сережка с овальным кольцом и подвеской в виде пирамиды из поставленных один на один шариков (Рис. 4: 4), украшенная в верхней части кольца маленьким шариком, Н.Я. Мерпертом и С.А. Плетневой датируется концом VIII - началом IX вв. [Мерперт 1951, 19 - 20; Плетнева 1967, 142 - 143].

Бронзовая рамчатая поясная пряжка (Рис. 4: 5) относится к типу, широко представленному в древностях Подонья и Крыма VIII – IX вв. [Айбабин 1977, рис. 1: 9, 11, 12, 15, 17, 20; 2: 30; 3: 55; Айбабин 1993, рис. 8: 42, 46; Ковалевская 1979, табл. XVIII: 12, 14].

Топор из погребения № 216/к-19 имеет оттянутое в сторону держака лезвие, образующее как бы уступ (Рис. 4: 6). Этот тип топоров (вид II, 3 по С.А. Плетневой) получил в VIII - X вв. на территории Восточной Европы довольно широкое распространение. Однако, по мнению многих исследователей, топоры этого типа с невысоким уступом на широком лезвии больше характерны для памятников, датируемых не ранее конца IX в. [Крыганов 1987, 86].

Обнаруженный в захоронении складной серп относится к типу симметричных. Он слабо изогнут и снабжен бронзовым колечком (Рис. 4: 12). Аналогичные складные серпы встречены, помимо Подонья [Михеев 1985, 135, рис. 126], в Верхнем и Среднем Поволжье в памятниках VIII - X вв. [Генинг, Халиков 1964, табл. X: 9; Иванов 1952, табл. XIX: 7], на северо-западном Кавказе [Саханев 1914, табл. III: 20]. Датируются складные серпы достаточно широко - VII - X вв. [Левашова 1956, табл. 21].

Происходящее из данного погребения кресало имеет довольно широко распространенную калачевидную форму. Это металлическая пластина, концы которой загнуты внутрь (Рис. 4: 14). Кресала данного типа повсеместно встречаются на памятниках Восточной Европы VIII - XIII вв. [Колчин 1969, 99; Савченкова 1996, рис. 22: 1 - 11; Сухобоков 1975, рис. 53].

В рассматриваемом погребении удалось зафиксировать фрагменты костяных концевых фронтальных накладок (Рис. 4: 9) и фрагменты клиновидных тыльных плечевых накладок (Рис. 4: 10, 11) на лук. Фрагменты клиновидных тыльных плечевых накладок удалось вычлнить из общей массы кальцинированных костей благодаря наличию на их внутренней стороне системы продольных насечек, являющихся отличительной чертой технологического оформления накладок салтовского типа «хазарского» лука [Круглов 2004, 64]. Возникновение же салтовского типа «хазарского» лука происходило непосредственно на территории Восточной Европы гораздо позже событий хазаро-болгарской войны, уже во время военно-политического господства в данном регионе Хазарского каганата и резкого обострения арабо-хазарских отношений [Круглов 2004, 69].

Типично салтовским сосудом была представлена урна в данном захоронении. В качестве урны был использован лощеный пифос, серого цвета, с двумя ручками, прикрепленными в месте наибольшего расширения тулова (Рис. 4: 3). В тесте примеси песка и мелкого шамота. Пифосы данного вида хорошо представлены в салтовских древностях [Flerov 1990, 124, taf. 6: 1 - 3, 5 - 9].

Однако, часть инвентаря из захоронения № 216/к-19 имеют более узкую датировку. Так, удила из данного погребения совмещались с грызлами, концы которых имеют петли для псалиев и петли для поводного ремня, размещенные в одной плоскости (Рис. 5: 6). Этот тип грызел характеризуется большей неравномерностью действия удила на углы губ юня, чем при перпендикулярном размещении петель [Кирпичников 1973, 14]. Поэтому грызла с размещением петель в одной плоскости относятся большинством исследователей к более раннему времени, чем грызла с перпендикулярным размещением петель [Крыганов 1989, 99]. Грызла с размещением петель в одной плоскости, по мнению ряда исследователей, были распространены только до середины VIII в. [Крыганов 1989, 99]. Так, грызла с петлями, размещенными в одной плоскости представлены в таких памятниках, как Вознесенка [Гринченко 1950, табл. I], Арцибашево [Монгайт 1951, рис. 43: 17], Гапоновском кладе [Гавритухин, Обломский 1996, рис. 32: 1], датируемых концом VII - первой половиной VIII вв. В салтовских древностях удила с грызлами, расположенными в одной плоскости встречаются в комплексах второй половины VIII в. - Тополи, Новая Юкровка, погр. №48/комплекс III могильника Сухая Гомольша [Кухаренко 1951, рис. 32:

6; 34: 36; Михеев 1985, рис. 8: 10], а также в комплексах конца VIII – начала IX вв. – погр. №№ 75/к-4, 150/к-13, 189, 254 могильника Красная Горка [Аксенов, Крыганов, Михеев 1986, рис. 4: 17]. Грызла с перпендикулярным размещением петель для псалий и поводного ремня превалируют в «классических» салтовских древностях [Генинг, Халиков 1964, табл. IX: 1, 3, 4, 6, 7, 9; Плетнева 1989, рис. 38]. Именно с таким расположением петель представлены грызла в захоронениях коней №101 могильника Красная Горка и №175 могильника Сухая Гомольша. Поэтому можно утверждать, что удила из захоронения №216/к-19 датируются второй половиной VIII в.

Косвенным подтверждением этому является факт дополнения грызел удила из погребения №216/к-19 псалиями, не характерными для «классических» салтовских древностей. Стержневидные салтовские псалии изготовлены из круглого в разрезе кованого железного прута и снабжены пластинчатыми петлями для крепления ремней оголовья трапециевидной или прямоугольной формы [Плетнева 1967, рис. 46: 12, 13; Плетнева 1989, рис. 38]. Псалии удила из захоронения №216/к-19 более примитивные. Они изготовлены из прямоугольного в сечении кованого железного прута и снабжены простой рамчатой петлей для крепления ремней оголовья, откованного из такого же прямоугольного в сечении прута, но меньшего размера. Такие рамчатые петли для крепления поводного ремня характерны для удила V - начала VIII вв. [Гавритухин, Пьянков 2003, табл. 75: 11 - 13, 15, 16; 82: 13; 85: 22, 23]. В памятниках более позднего времени (VIII - IX вв.) стержневидные псалии с такими рамчатыми петлями встречаются редко [Генинг, Халиков 1964, табл. IX: 5; Казаков 1971, табл. X: 5].

Указывает на более раннюю датировку данного погребения, по нашему мнению, и тот факт, что из комплекса №216/к-19 происходит начельник, на внешней поверхности которого отсутствует какая-либо растительная орнаментация (Рис. 5: 1), широко представленная на «классических» салтовских древностях.

Именно такой лотосовидный орнамент представлен на конском начельнике из погребения №101 могильника Красная Горка (Рис. 2: 1). Оформление цветков лотоса и характер переплетения их стеблей указывает на соответствие данного орнамента начальной стадии освоения салтовскими мастерами лотосовидного орнамента, сформировавшегося к началу IX в. и бытовавшего до середины IX в. [Фонякова 1986, 45, рис. 4: 2, 5].

Остальной погребальный инвентарь захоронения №101 подтверждает более позднюю его датировку по сравнению с погребением №216/к-19. Так, концы грызел удила из погребения №101 снабжены уже перпендикулярно расположенными петлями для псалия и поводного ремня (Рис. 2: 3, 4). Сами псалии являются широко представленным в «классических» салтовских древностях типом - прямыми, так называемыми гвоздевидными псалиями, снабженными трапециевидными пластинчатыми петлями. С конца IX в. удила со стержневидными псалиями вытеснили все остальные типы удила [Крыганов 1989, 107; Плетнева 1967, 167].

Все четыре стремяни из данного захоронения относятся к одному типу – так называемых «салтовских» стремян с арковидной рамкой, снабженной пластинчатой петлей округлых очертаний (Рис. 2: 7 - 9). Одна пара стремян снабжена пластинчатой подножкой с одним укрепляющим жгутом (Рис. 2: 7). Ширина подножки у этих стремян составляет 4,0 – 4,2 см. У второй пары стремян пластинчатая подножка снабжена тремя жгутами и орнаментирована шестью сквозными отверстиями (двумя круглой формы и четырьмя подтреугольной формы) (Рис. 2: 8, 9). Петля данных стремян отличается некоторой массивностью, перехват между ней и корпусом стремени едва заметен, сама арка стремени

ни приобретает подтреугольные очертания. Данные черты, как считают некоторые исследователи, характерны для стремян IX – начала X вв. [Крыганов 1989, 105]. Ширина подножки у данных стремян достигает 5,5 см, что, по-видимому, следует рассматривать как своеобразный хронологический репер, ибо ширина подножки у стремян более раннего времени колеблется в рамках от 2 – 2,9 см (Вознесенка) [Гринченко 1950, табл. II; Плетнева 1981, 148, рис. 36: 9, 10] до 4,0 см у классических «салтовских» стремян [Плетнева 1981, 148, рис. 36: 17, 38]. Ширина подножки у стремян поздних кочевников достигает 6,0 – 10,0 см. В целом, с X по XIII вв. отмечается тенденция увеличения ширины стремянной подножки с 3,5 до 4 – 5 см [Кирпичников 1973, 46].

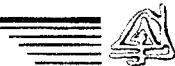
Сабля, помещенная в захоронении №101, была снабжена прямым перекрестием с овальными лепесткоподобными плоскими концами (Рис. 3: 1). Такого типа перекрестия наиболее характерны для памятников конца IX - начала X вв. [Крыганов 1987, 108]. Исходя из незначительных размеров клинка, слабой его кривизны, саблю из погребения №101 следует датировать второй половиной VIII - серединой IX вв. [Измайлов 1989, 109].

Найденные в данном захоронении черешковые наконечники стрел относятся к нескольким типам: трехлопастные треугольные (2 экз.), трехлопастный килевидный с плечиками (1 экз.), трехлопастный килевидный узкий (1 экз.), плоские остролистные (3 экз.), граненые шиловидные квадратные в разрезе с простым пером (2 экз.) (Рис. 3: 4 - 13). Данные типы наконечников существовали на широкой территории в пределах VIII - IX вв. [Медведев 1966]. Наиболее информативными в этом плане являются плоские остролистные наконечники, которые снабжены плоским черенком (Рис. 3: 4 – 6). Такие наконечники применялись только до начала X в., а позже снабжались круглым или квадратным в разрезе черенком [Медведев 1966, 73]. В основном такие наконечники встречаются в комплексах IX века [Бобчева 1958, обр. II: 4; Sebestyen 1932, 13, кер. 134; Иотов 2004, 25, 26].

Из этого же погребения происходит так называемая фибула-«кресало» с завитком на конце приемника, с угловато-вертикальной плоской спинкой и щипковым прижимным приспособлением (Рис. 3: 21). Аналогичные фибулы встречаются в ингумационных памятниках Среднего Поволжья IX века (Большетархановский, Танкеевский могильники) [Генинг, Халиков 1964, табл. X: 3 - 5; Казаков 1971, табл. VIII: 7]. Вторым районом, где встречается этот тип фибул в кремационных захоронениях, является Северо-Западный Кавказ [Дмитриев 1982, рис. 4: 10, 11; Дмитриев 2003, табл. 92: 21, 22]. По материалам Кавказа они датируются второй половиной VIII - IX вв.

Преднамеренно смятый в древности котел, обнаруженный в данном погребении, был изготовлен из железных листов, соединенных заклепками в полосы, которые при соединении между собой образовывали сосуд цилиндрической формы со слегка выгнутым дном (Рис. 1: 5). Диаметр котла составляет 40 см, глубина 18 см. Дно и корпус были соединены между собой рядом железных заклепок. Котел был снабжен железной ручкой, согнутой из узкой (до 2 - 2,2 см) металлической полосы, концы которой оформлены в виде петель. Подобные металлические ручки, как и фрагменты котлов (железные пластины) встречены и на других памятниках салтовской культуры Подонья [Ляпушкин 1961, рис. 17; Плетнева 1967, рис. 39: 15, 19]. Два подобных котла были найдены на городище Битица волынцевской культуры [Смиленко, Юренко 1990, рис. 65: 15, 16].

Черешковые ножи (Рис. 3: 23 - 25), наконечник копья (пика) (Рис. 3: 17), колчаные ятели (Рис. 3: 14 - 16), железный пластинчатый пинцет (Рис. 3: 22), железная вилка для

доставания мяса из котла (Рис. 3: 18) имеют достаточно широкие хронологические рамки бытования.

В данном погребении в качестве урн были использованы два двуручных лощеных пифоса с вытянутым вверх, яйцевидным туловом (Рис. 1: 2, 4) и один кухонный гончарный горшок, плечики и тулово которого украшено горизонтальным рифлением, выполненным при помощи зубчатого штампа (Рис. 1: 3). В тесте пифосов отмечен песок и мелкий шамот, в тесте кухонного горшка – крупный шамот. На дне одного из пифосов (погр. № 101 В) присутствует клеймо в виде солярного знака (крест в круге). Подобные пифосы и горшки широко представлены на памятниках салтовской культуры [Fierov 1990, 124, taf. 6: 1 - 3, 5 - 9; Parchomenko 1990, 302, taf. 4: 5, 7].

Таким образом, исходя из оформления конского начельника и типологической характеристики некоторых категорий погребального инвентаря, захоронение №101 могильника Красная Горка следует датировать рамками IX в., скорее всего, его серединой – третьей четвертью.

Хронологически близко данному захоронению погребение с конским начельником №175 могильника Сухая Гомольша. На это указывает присутствие в захоронении Сухогомоль-

шанского могильника типологически близких погребению №101 могильника Красная Горка предметов погребального инвентаря: арковидных стремян с полукруглой плоской петлей, удила с грызлами, петли на концах которых расположены в перпендикулярных плоскостях, снабженных стержневидными псалиями, сабли с перекрестием, концы которого оформлены в виде плоских лепестков [Михеев 1985, рис. 11: 1 - 20]. Однако, конский начельник из погребения №175 могильника Сухая Гомольша оформлен в совершенно не свойственном для салтово-маяцких древностей стиле (Рис. 6). На сохранившемся фрагменте начельника нанесен точечный чеканный орнамент в виде двух параллельных линий, по-видимому, идущих вдоль края изделия. Место соединения трубочки султана с пластиной начельника украшено двумя линиями точечной окантовки (Рис. 6: 1). Данный орнамент нанесен пробойником с оборотной стороны изделия. При этом на оборотной стороне образовывались луночки, а на лицевой стороне - небольшие круглые выпуклости.

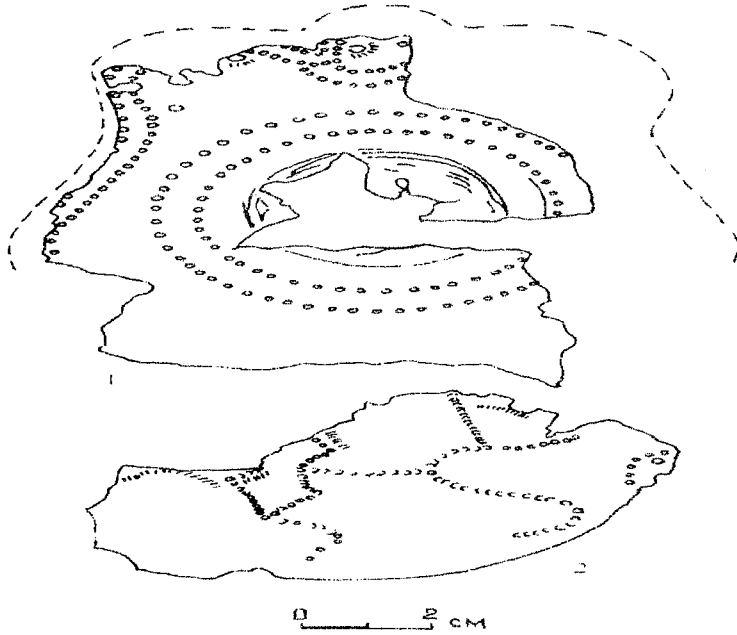

Рис. 6

Аналогичную по стилю и по техническому исполнению орнаментацию мы видим на двупластинчатых антропоморфных фибулах с Пастырского городища [Приходнюк 1994, 65, рис. 4; Приходнюк 1998, 95, рис. 3], на антропоморфных фибулах из кладов первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки [Щеглова 1990, 200, рис. 9, 203, рис. 12, 204, рис. 13], на фибулах Иваницкого клада [Макаренко 1908, табл. II: 8] и фибулах из Песчанки и Салтова [Амброз 1993, 182, рис. 3: 37; Приходнюк 1998а, рис. 10: 29], датированных концом VIII - началом IX вв. Таким же тисненым орнаментом украшены пластины круглой, прямоугольной или трапецевидной формы, входившие в состав Пастырского клада 1949 года, в клады из Новой Одессы, Козиевки и Суджи [Корзухина 1996, 617, табл. 27: 1 - 3; 635, табл. 45: 9; 643, табл. 53: 3, 4, 8 - 10; 657, табл. 67: 1 - 5]. Подобный орнамент отмечен на бронзовой пластинчатой подвеске из захоронения первой половины VIII века (№ 59) могильника Мокрая Балка [Ковалевская 1996, рис. 6: 6].

В собственно салтовских древностях орнаментированные таким образом вещи достаточно немногочисленны. Так, из катакомбы второй половины VIII века Старо-Салтовского могильника происходит ложечка с пластинчатой рукояткой и позолоченные наконечники пояса, орнаментированные линиями точечного орнамента, выполненными с помощью пробойника [Аксенов 1999, 141, 144, рис. 3: 21, 24, 25]. В аналогичном стиле украшены и края двучастных салтовских туалетных коробочек второй половины VIII - начала IX вв. [Аксенов 1999, рис. 3: 18, 4: 33]. Позже им на смену приходят туалетные коробочки совершенно другого вида - литые двухчастные, так называемые «самоварчики», появление которых по материалам Крыма относится к первой половине IX века [Айбабин 1993, 124, 126]. В аналогичном стиле украшены края, согнутого из пластины щитка поясной пряжки, происходящей из комплекса № 2 второй половины VIII века у с. Новая Покровка [Кухаренко 1951, рис. 34]. Все вышесказанное позволяет датировать и начельник, и само погребение № 175 Сухой Гомольши рубежом VIII - IX вв.

Частью начельника, вероятно, является и обнаруженная в погребении № 175 бронзовая пластина, поле которой украшено сложным чеканным орнаментом в виде причудливо изогнутых линий (Рис. 6: 2). Отчетливо видна вертикальная линия, заканчивающаяся на одном конце волной, усложненной отростком. На втором конце вертикальная линия переходит в сложную остроконечную восьмеркоподобную фигуру, также усложненную двумя изогнутыми отростками. Орнамент выполнен оттиском поставленного под углом к пластине пуансона. Из-за чего на металлической пластине остались следы в виде полукруга и образующие изогнутые линии орнамента. Стилистически узор на пластине начельника близок орнаменту, нанесенному на некоторые элементы поясного набора из Мартыновского клада второй половины VII века и Хацковского клада [Корзухина 1996, 603, табл. 13: 5, 609 19: 9, 10, 13 - 18, 612, табл. 22: 7 - 11], на пластине из Мощинского клада [Седов 1982, 81, табл. XV]. Отличия в технике нанесения орнамента на детали поясного набора из Мартыновки и Хацка, от начельника из Сухой Гомольши объясняются характером самих изделий. Детали пояса из Мартыновского и Хацковского кладов массивные, литые, поэтому орнамент на них нанесен врезными линиями, начельник же выполнен из тонкой бронзовой пластины, что и обусловило применение техники чеканки (тиснения). В такой же технике выполнен тамгообразный знак и на пластине из Мощинского клада. В целом же сходство орнамента на этих разновременных вещах несомненно.

В знаках, изображенных на выше перечисленных вещах, ряд исследователей склонен видеть сарматские или тюркские тамги [Рыбаков 1953, 96; Приходнюк, Шовкопляс,

Ольговская, Струина 1993, 76]. А сами вещи в этом случае, так как они обнаружены в районах распространения пеньковских древностей, граничащих со степью, рассматриваются как факт влияния на славянское население культуры тюркоязычных кочевников третьей четверти I тыс. н. э., которые внедрялись в среду последних [Приходнюк 2000, 156]. Культурное влияние, по-видимому, все же было обоюдным. Вещи, выполненные славянскими ремесленниками, попадали и к их степным соседям.

Исходя из всего выше сказанного, можно предположить, что общее оформление начельника из погребения № 175 могильника и техника нанесения орнамента косвенно свидетельствуют о связи населения, оставившего салтовский кремационный могильник Сухая Гомольша, с носителями ремесленных традиции племен Днепровского Левобережья предшествующего времени (финальный этап существования пеньковской культуры). В целом это можно рассматривать как результат интеграции в славянское общество степного (тюркского) компонента, с последующей ассимиляцией последнего.

Все три захоронения по вещевому материалу не выходят за рамки салтово-маяцких древностей. Общим для них является обряд кремации с помещением пережженных и очищенных от следов погребального костра человеческих костей в урны. Погребальный инвентарь, полностью или частично прошедший через огонь погребального костра, помещался в урны вместе с остатками кремации или располагался рядом.

Однако, каждое из рассматриваемых захоронений обладает самостоятельными чертами, отличающими одно погребение от другого, даже в рамках одного памятника, как это имеет место в отношении погребений с конскими начельниками из Красногорского могильника. Так, погребение № 216/к–19 с захоронением пережженных человеческих костей в урне и размещение костяка целого коня в непосредственной близости от урны с прахом находит некоторые отдаленные аналогии в кремационных захоронениях Северо-Западного Кавказа. Близкие по обряду захоронения встречаются изредка на некрополях цебельдинской культуры [Трапш 1971, 23], на грунтовых могильниках X - XII вв. в Адыгее [Габуев, Днепроvский, Носкова 1988, 117], на могильниках в Болгарии [Ваклинов 1977, 138, 139]. Некоторые курганы конца I тыс. н. э. возле Геленджика и курганы XII – XIII вв. под Новороссийском содержали захоронения взнузданных и оседланных коней, вместе с личными вещами хозяев, перед черепом которых стояли урны с человеческим прахом [Ковалевская, Воронов, Михайличенко 1969, 124 – 125; Армарчук, Дмитриев, Конькова 2004, 149, рис. 2]. Помещение в погребения преднамеренно испорченных предметов, что мы видим на примере урны из захоронения № 216/к–19, у которой было отбито дно и одна из боковых ручек, отмечено в погребальном обряде у многих народов и, следовательно, не может служить этноопределяющим признаком.

Отдаленные аналогии погребению № 101 мы можем видеть в волынцевских древностях. Сближает данное захоронение с некоторыми урновыми волынцевскими сожжениями расположение урн с прахом в ряд по линии восток – запад. При этом в волынцевских кремациях крайне западное положение отводится сосуду-приставке [Смиленко, Юренко 1990, 276]. Такое же место в погребении № 101 занимает железный котел, который выполняет, по-видимому, ту же роль, что и сосуд-приставка в волынцевских захоронениях. Помещение в кремационные захоронения сосудов-приставок считается специфической чертой погребального обряда славянских культур Восточной Европы I тыс. н. э. Особенно сосуды-приставки характерны для волынцевских захоронений [Смиленко, Юренко 1990, 276]. Керамические сосуды, игравшие роль погребальных даров, изредка встре-

чаются в захоронениях однообрядовых кремационных могильников VIII - X вв. Болгарии (Разделка, Гарван - 1, Бабово) [Въжарова 1976, 11]. Однако, наличие сосудов-приставок известно и в неславянских погребениях второй половины I тыс. н.э. юга Восточной Европы. Так, сосуды-приставки были неоднократно встречены в кремациях второй половины VIII - IX вв. Прикубанья [Дмитриев 1979, 54], почти в половине захоронений именьковской культуры [Генинг, Стоянов и др. 1962, 39, табл. Ж], которые никак нельзя считать славянскими.

Отличает захоронение № 101 от волынцевских урновых кремаций состав пережженных человеческих останков (очищенные – не очищенные от следов погребального костра), состав погребального инвентаря. Кочевнический облик погребального инвентаря данного захоронения не позволяет достоверно связать его с представителем славянского этноса.

Кремации с перевернутой вверх дном урной, как это мы видим в погребении № 175 могильника Сухая Гомольша, изредка встречаются в памятниках киевской, черняховской, пеньковской, корчакской, колочинской культур [Приходнюк 1990, 228; Смиленко, Юренко 1990, 276], но доля их на могильниках перечисленных культур не превышает 4% [Зиньковская 1997, 11 - 14], тогда как количество кремаций под перевернутым вверх дном сосудом на могильнике Сухая Гомольша составляет 25,5% [Аксенов 2004, 17]. В славянских погребальных памятниках середины - второй половины I тыс. н.э. неизвестна установка перевернутых вверх дном сосудов-урн на подстилку из фрагментов сосудов, тогда как количество таких захоронений на Сухогомольшанском могильнике составляет 5% от общего количества погребений. Инвентарь данного погребения также является чисто кочевническим.

Поэтому этническую принадлежность данных салтовских кремационных захоронений с начальниками, по-видимому, следует определять исходя из той политической ситуации, которая сложилась во второй половине I тыс. н.э. на границе степи и лесостепи в Днепро-Донском междуречье.

Начавшийся еще в третьей четверти I тыс. н.э. (пеньковская культура) процесс проникновения в славянскую среду выходцев степного тюркоязычного населения, с последующей ассимиляцией последних, продолжился с оттоком из степи в лесостепные районы Днепровского Левобережья отдельных болгарских родов после разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами (конец VII или начало VIII вв.) [Сухобоков 1999, 36]. Расселившись здесь компактной группой среди славян, также вынужденных сопротивляться хазарской экспансии, болгары становятся своего рода консолидирующим элементом хазарского окружения, материальным свидетельством чему является мощный культурный импульс, который наиболее выразительно проявился в волынцевских древностях [Сухобоков 1998, 42; Сухобоков 2004, 163]. Наиболее ярко действие этого импульса проявляется на Битицком городище, где с рубежа VII – VIII вв. мирно существовали две этнически разные группы его обитателей, с разным хозяйственным укладом, традициями домостроительства и бытовыми привычками [Сухобоков 1998; Сухобоков 1999; Сухобоков 2004, 164 - 167]. С распространением пусть даже номинальной власти хазар на южные районы Днепровского лесостепного Левобережья, что выразилось в выплате дани тремя славянскими племенными объединениями, население данного региона, представленное славянами, болгарскими, сармато-аланами, уграми принимает участие в формировании салтовской археологической культуры Подонья. Пример

такого культурного симбиоза мы и видим в рассматриваемых захоронениях с конскими начальниками.

Литература

- Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. - 1977. - № 1.
- Айбабин А.И. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993.– Вып. III.
- Аксенов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжениями Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. – 1998. - № 413. – Вип. 30.
- Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua – 1999. - № 2.
- Аксенов В.С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Stratum plus. - 2001 – 2002. - № 5.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. - К., 1996.
- Амброз А.К. К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. – 1993. - №2.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., Конькова Л.В. Парадное конское оголовье из средневекового курганного погребения в Северо-Восточном Причерноморье // РА. – 2004. - № 2.
- Бобчева Л. Въоружението на българската войска от втората половина на IX в. до падането на България под турско рабство // ВИС. - 1958. - № 2.
- Ваклинов Ст. Формиране на старобългарската култура. – София, 1977.
- Въжарова Живка Н. Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI - XI в. на територията на България. - София, 1976.
- Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М. Работы Кавказской экспедиции // АО 1986. - М., 1988.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. - М., 1996.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV – IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. – М., 2003.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождественно. - Казань, 1962.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. - М., 1964.
- Гринченко В.А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. - 1950. - Т.3.
- Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. - 1979. - №158.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. - М., 1982.
- Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V – IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII вв. – М., 2003.
- Зиньковская И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй - третьей четверти I тыс. н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями) /

Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. – Воронеж, 1997.

Иванов П.П. Крюковско-Кужовский могильник. – Моршанск, 1952.

Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя болгар VIII - X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. - Казань, 1989.

Йотов В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII - XI век). - София, 2004.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань, 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. - Л., 1973.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV - IX вв. // САИ. - 1979. - Вып. Е.1-2.

Ковалевская В.Б. Проблемы математической обработки археологического материала VI - IX вв. (по материалам Кавказа) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. - Самара, 1996.

Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н., Михайличенко Ф.Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа // АО 1968 г. – М., 1969.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. - 1959. - № 65.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. – 1996. – Т. V.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII - X вв.: Дис. ... канд. ист. наук. - Харьков, 1987.

Крыганов А.В. Восточноевропейские кочевнические удила VII - X вв. // Вестник ХГУ. - 1989. - № 342.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки раннехазарского времени // Хазарский альманах. – 2004. – Т. 3.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. - 1951. - Т.XLI.

Левашова В.П. Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды ГИМ. - 1956. - Вып. 32.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. - 1961. - № 104.

Макаренко Н.Е. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды ПУАК. – Полтава, 1908.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел). - М., 1966.

Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. - 1951. - Вып. 36.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985.

Монгайт А.П. Могила всадника у с. Арцибашева // КСИИМК. - 1951. - Вып. 41.

Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. - 1962. - № 3.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. - 1967. - № 146.

Плетнева С.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII – X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М., 1989.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Тр. ХП АС. - 1905. - Т.1.

Приходнюк О.М. Раннеславянские культуры V – VII вв. и этнополитическая консолидация славян // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990.

Приходнюк О.М. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. – 1994. – № 3.

Приходнюк О.М. Пастирський скарб 1992 року // Археологічний літопис Лівобережної України. – 1998. – № 1 – 2.

Приходнюк О.М. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. – 1998а. – № 3.

Приходнюк О.М. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // МАИЭТ. – 2000. – Т. VII.

Приходнюк О.М., Шовкопляс А.М., Ольговская С.Я., Струина Т.А. Мартыновский клад // МАИЭТ. – 1993. – Т. III.

Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. – 1953. – Т. XVII.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911 - 1912 гг. // ИАК. – 1914. – Вып. 56.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. – М., 1982.

Смиленко А.Т., Юренко С.П. Восточные славяне в VIII – IX вв. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. – К., 1975.

Сухобоков О.В. Этнокультурная история Левобережной Украины I – начала II тыс. // Археологія. – 1998. – № 2.

Сухобоков О.В. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. – 1999. – № 2.

Сухобоков О.В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережнодніпровської лісо-степової України (археологічний аспект) // Хазарський альманах. – 2004. – Т. 3.

Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. – Тбилиси, 1971. – Т.3.

Фонякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтовской культуры VIII-IX вв. // СА. – 1986. – № 3.

Щеглова О.А. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. – Курск, 1990.

Flerov V.S. Einige Arten der polierten Keramik der Saltovo-Majaki-Kultur // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. – Budapest, 1990. – III.

Malinowski A., Michejew W. Suchogomolzanski zespok osadniczy w swietle danych archeologii i antropologii // Zrodla do badan Biologii i historii populacji slowianskich. – Poznan, 1981.

Parchomenko O.V. Die Keramik der Variante der Saltovo-Kultur am oberen Lauf des Flusses Don // Die Keramik Saltovo-Majaki kultur und ihrer Varianten / Varia Archaeologica Hungarica. – Budapest, 1990. – III.

Sebestyen K. A magyarok ijjá es nyilo // Dolgozator. – 1932. – V - VIII. – № 2.

РЕЗЮМЕ

Аксенов В.С.

Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца.

Данная работа вводит в научный оборот материалы трех кремационных комплексов, содержащих такой важный социально маркирующий элемент материальной культуры салтовского населения Подонцовья как конские начельники. Два комплекса (погр. №№ 101, 216/к - 19) происходят из биритуального могильника Красная Горка и еще один (погр. № 175) - из кремационного могильника Сухая Гомольша. Погребения и обнаруженные в них конские начельники датируются второй половиной VIII вв. (погр. №№ 216/к-19), рубежом VIII - IX вв. (погр. № 175), серединой - третьей четвертью IX вв. (погр. № 101).

Аксёнов В.С.

Салтівські кремаційні комплекси з кінськими начільниками з басейну Сіверського Дінця.

Дана праця вводить до наукового обігу матеріали трьох кремаційних комплексів, що містять такий важливий у соціальному плані елемент матеріальної культури салтівського населення Подонцов'я як кінські начільники. Два комплекси (погр. №№ 101, 216/к - 19) знайдені на біритуальному могильнику Червона Гірка, ще один (погр. № 175) походить з кремаційного салтівського могильника Суха Гомільша. Поховання, як і знайдені в них кінські начільники, датуються другою половиною VIII ст. (погр. №№ 216/к-19), рубежом VIII - IX ст. (погр. № 175), серединою - третьою чвертю IX ст. (погр. № 101).

Summary

V.S. Aksionov

The Saltiv Culture Cremation Complexes
with Horse Headgear Decorations
(the Donets River Basin)

This paper introduces the materials of three cremation complexes, containing such an artefact, important as social marker in Saltiv culture of the Donets Basin, as horse headgear decorations. Two of the complexes (Nos. 101 and 216/k - 19) were found in a biritual communal tomb of Chervona Hirka (Red Hill); the third one (No. 175), in a Saltiv cremation communal tomb Sukha Homilsha. The burials, and therefore the headgear items, refer to the second half of the 8th century (Nos. 216/k - 19), the turn of the 9th century (No. 175), and about the third quarter of the 9th century (No. 101).

Подписи под иллюстрациями

Рис. 1. Погребение № 101 могильника Красная Горка. 1 - план погребения, 2 - 4 - сосуды, выполнявшие роль погребальных урн, 5 - железный котел.

Рис. 2. Инвентарь погребения № 101 могильника Красная Горка. 1 - конский начельник, 2 - трубочка султана, 3, 4 - удила, 5, 6 - фалары, 7, 8 - стремена, 9 - сбруйное кольцо, 10 - сбруйные пряжки.

Рис. 3. Инвентарь погребения № 101 могильника Красная Горка. 1 - сабля, 2 - оковка ножен сабли, 3 - оковка колчана, 4 - 13 - наконечники стрел, 14 - 15 - петли от колчана, 17 - наконечник копья, 18 - вилка для доставания мяса из котла, 19 - каменный оселок, 20 - фрагмент бронзового браслета, 21 - кресало-щипчики, 22 - пинцет, 23 - 25 - ножи.

Рис. 4. Погребение № 216/к-19 могильника Красная Горка и его инвентарь. 1 - план погребения, 2 - погребение коня, 3 - погребальная урна, 4 - серьга, 5 - поясная пряжка, 6 - топорик-чекан, 7, 8 - обоймы ножен ножа, 9 - 11 - костяные накладки на лук, 12 - складной серп, 13 - бронзовое кольцо от серпа, 14 - кресало.

Рис. 5. Элементы конского снаряжения из погребения № 216/к-19 могильника Красная Горка. 1 - конский начельник, 2 - трубочка султана, 3, 4 - бляшки от ремней оголовья, 5 - наконечник ремня оголовья, 6 - удила, 7 - сбруйное кольцо, 8, 9 - бляшки от ремней сбруи, 10 - ременной соединитель, 11 - сбруйная пряжка, 12 - стремяна, 13 - фалар.

Рис. 6. Фрагменты конского начельника из погребения № 175 могильника Сухая Гомольша.

